

жизни, то, что годится для элементарности, для цыганки, для Чернышевского, — это непримлемо для Толстого. И надъ забубеной головой его героя все-таки, все-таки зажегся необходимый ореоль трагедіи. Именно въ этомъ — глубокій смыслъ пьесы, а не въ осужденіи брака; у Толстого не тенденція, а идея.

Смерть тенденціозности попралъ онъ на всемъ протяженіи своихъ новыхъ книгъ. Онъ противъ казенного, но и противъ либерального,—онъ противъ всякаго шаблона; а вѣдь это и свойственно художнику, какъ таковому: недаромъ и официально зовется онъ „свободный художникъ“. Про отца Михаила говорить Толстой, что „онъ прошелъ полный курсъ духовной академіи и потому давно уже не вѣрилъ въ то, что исповѣдоваль и проповѣдоваль“; но и о противникѣ отца Михаила мы читаемъ, что онъ былъ „мрачно-либеральный“ и очень дорожилъ „иллюстраціями клерикального вліянія“. Не только отталкиваютъ Льва Толстого всѣ эти пошлые, сытые, злые, этотъ „владѣтель тысячъ десятина“, который, читая статьи „Нового Времени“, удивляется на неразумность правительства, допускающаго евреевъ въ университеты“, но ему тѣсно и среди тѣхъ, кто „читая „Русскія Вѣдомости“, удивляется на слѣпоту правительства, допускающаго союзъ русскаго народа“. Ему нужно больше. Вотъ— „два спутника“, идущіе въ народъ. Одинъ изъ нихъ, старый, выступаетъ бодро, и „къ красивому лицу